

Михаил Матвеевич Херасков

Россиада

Эпическая поэма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Херасков**
Россиада: Эпическая поэма / Михаил Матвеевич Херасков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 212 с.

ISBN 978-5-4241-0678-1

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии по изданию 1807 года (Москва, Вольная типография Пономарёва)

ISBN 978-5-4241-0678-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.

Российское государство въ самыя отдаленныя времена, которыя намъ древніе Историки извѣстными учинили, было сильно, сосѣдамъ страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой Европейской державѣ славою, силою, изобиліемъ и побѣдами, по тогдашнему государствѣ состоянію, не уступало; а пространствомъ своимъ всѣ прочія как и нынѣ, превосходило. Но послѣ великаго Князя ВЛАДИМИРА разторженіе Россіи на разныя доли, удѣльная княжества, междуусобія, неустройства и властолюбіе размножившихся Князей, время от времени силы ея истощать начинали; а наконецъ бѣдственному игу хищныхъ Ордъ поработили. Съ того времени угасла прежняя Российская слава, и въ цѣломъ мірѣ едва извѣстною учинилась; она подъ своими развалинами въ забвѣніи близъ трехъ вѣковъ лежала. Сіе жалостное и позорное состояніе, въ которое Россію набѣги Татаръ и самовластіе ихъ погрузило; отторженіе многихъ княжествъ, прочимисосѣдами у ней похищенныхъ; неспокойство внутреннихъ ея мятежниковъ, вовсе изнуряющихъ свое отечество; сіе состояніе къ совершенному паденію ее наклонило. Зло сіе простиилось до времени Царя ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА Перваго, вдругъ возбудившаго Россію, уготовавшаго онуя къ самодержавному правленію, смѣло и бодро свергшаго иго Царей Ордынскихъ, и возставившаго спокойство въ нѣдрахъ своего государства. Но царство Казанское при немъ еще не было разрушено; Новогородцы еще не вовсе укroщенны были; сосѣдственныя державы должного уваженія къ Россіи еще не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ униженія въ славу, изъ порабощенія въ господство; сія важная и крутая перемѣна произошла при внуку Царскомъ ИОАННѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ Второмъ, который есть Герой сія Поэмы.

И такъ не должно ли царствование ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА Втораго поставлять среднею чертою, до которой Россія, бѣдственнаго состоянія достигнувъ, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близъ трехъ вѣковъ ею утраченную? Когда вообразимъ въ мысляхъ нашихъ государство, совсѣмъ разстроенное, отъ сосѣдственныхъ державъ угнетенное, внутренними беспокойствами раздираемое, несогласіемъ многоначальства волнуемое, иновѣрцами порабощенное, собственными вельможами разхищаемое; когда все сіе вообразимъ, и представимъ себѣ младаго Государя, самодержавную власть пріемлющаго, сильныхъ и страшныхъ непріятелей державы своей попирающаго, многоначальство обузывающаго, мятежниковъ и въ нѣдрахъ отечества усмирившаго, отторженные соседами грады возвращающаго, и цѣллыя государства своему скіпетру присовокупившаго; несогласіе и гордость бояръ укротившаго, благоразумные законы подающаго, воинство въ лучшій порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли уваженія толь великаго духа къ Государю? Таковъ былъ Царь ИОАННѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ!

Иностранные писатели, сложившіе нелѣпыя басни о его сурвости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицаютъ. Самъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ за честь поставлять въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему Государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до пылкаго нрава его относящими: вѣрить ли толь несвойственнымъ велико-му духу повѣствованіямъ, оставляю Историкамъ на размышеніе. Впрочемъ безмѣрныя Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ поименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушение Казанского царства, со властю державцевъ Ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Российскаго государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего Российскаго воинства; и возвращенное благоденствіе: по чьему сіе твореніе и Россіядо названо. Представляю младаго Монарха, лаврами учѣнчанаго; сего Монарха, о которомъ и Г. Ломоносовъ въ краткой Российской Лѣтописи утверждаетъ, что сей Царь уже по смерти первой своей супруги

Грознымъ учинилъся, и что неустройства Бояръ, на подобіе крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо послѣ взятія Казани. Прославляю совокупно съ Царемъ вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей, вельможей и всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключение въ Россійской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи; а моя Поэма сіе оправдать обязана.

Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой труд, нынѣ въ третій разъ исправленный и во многихъ мѣстахъ дополненный, чувствуя несовершенства и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими эпическими Поэмами. Слабо сіе сочиненіе, но оно есть первое на нашемъ языкѣ; а сіе самое и заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе Писателю.

Повѣствовательное сіе твореніе разположилъ я на Исторической истиннѣ, сколько могъ сыскать пе- чатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшия анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятаютъ мои Читатели, что какъ въ Эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣеписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносить изъ одного времяни въ другое, изобрѣталъ, украшаль, творилъ и созидалъ. Успѣль ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что Эпическая Поэмы, имѣющія въ виду своею иногда особливыя намѣренія, обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

ВЗГЛЯДЪ НА ЭПИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

Въ *Иліадѣ* Гомеръ воспѣваетъ гнѣвъ Ахиллесовъ, за похищеніе его невольницы Бризенды Царемъ Агамемнономъ, гнѣвъ толико бѣдственный Грекамъ и Пергаму; кровавыя битвы, пагубу осаждающихъ и пагубу осажденныхъ Троянъ. — Патрокль, другъ Ахиллесовъ, убить Гекторомъ — онъ mestить за своего друга — убиваетъ храбраго Гектора, и темъ Поэма оканчивается.

Въ *Одиссѣ* воспѣто десятилѣтнее странствованіе Итакскаго Царя Улисса; возвращеніе его въ домъ свой и страшное избіеніе любовниковъ Пенелопинъхъ, которое *Мнистерофоніей* наречено.

Виргилій въ несравненной *Энеїдѣ* воспѣлъ побѣгъ Энеевъ изъ разоренной Греками Трои, прибытие его въ Карѳагену, любовь его съ Диодою, невѣрность его къ сей нещастной Царицѣ — Другой побѣгъ его въ Италію, гдѣ убивъ Турна, сопрягается онъ съ Лавиніею, невѣстою сего почтеннаго Князя.

Въ *Погубленномъ рай* важный *Мильтонъ* повѣствуетъ паденіе первого человѣка, вкушеніе запрещенного плода, торжество діавола, изгнаніе Адама и Эвы изъ рая за ихъ непослушаніе, и причину злополучія всего человѣческаго рода.

Волтеръ начинаетъ свою *Генріаду* убіеніемъ Генриха III, а оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной Религіи въ другую — но прекрасные стихи его все дѣлаютъ обворожительнымъ.

Армида въ Тассовомъ *Іерусалимѣ*, прекрасная волшебница; Армида, есть душа сей неоцѣненной Поэмы; ея хитрости, коварства, ея островъ, ея нѣжности, ея самая свирѣпость по отбытіи Ренода, возхитительны — но не суть назидательны.

Пробѣжимъ *Лузіаду Камуенсову* и *Фарзалию Луканову*. — Первая есть странствованіе Лузитанцовъ въ Африку, обрѣтеніе нѣкоторыхъ новыхъ земель — сказанія и чудесности. Вся сія Поэма есть пітическое повѣствованіе, въ коемъ и самъ Поэтъ имѣлъ участіе. Но повѣствованіе, живою кистью писанное, сладостное, привлекательное; это есть галлерея преизящныхъ картинъ, непорядочно разставленныхъ, но каждая изъ нихъ восхищаетъ, трогаетъ, удивляетъ, и въ память врѣзывается.

Фарзалию многіе нарицаютъ Газетами, пышнымъ слогомъ воспѣтыми; но сіи Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаніями и сильными выраженіями; въ ней воспѣта война Юлія съ Помпеемъ; при всемъ томъ Поэма не докончана Пѣвцомъ своимъ, и не была исправлена.

Для тѣхъ сіе пишу, которые думаютъ, будто Эпическая Поэма похвальною пѣснію быть должна. Эпическая Поэма заключаетъ какое нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе въ бытіяхъ міра случившееся, и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну относящуюся до всего человѣческаго рода — таковъ есть *Погубленный рай* Мильтоновъ; или воспѣваетъ случай, въ какомъ нибудь Государствѣ произшедшій и цѣлому народу къ славѣ, къ успокоенію, или наконецъ ко преображенію его послужившій — такова должна быть Поэма ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, которую по моему мнѣнію писать еще не время. Два великія Духа принимались пѣть ПЕТРА ВЕЛИКАГО, Г. Ломоносовъ и Томасъ; оба начали — оба не кончили. —

Къ такому роду Поэмъ должно Генріаду Волтерову — и мою *Россіяду*, не сравнивая однако слабое мое твореніе съ превосходною Эпопеєю Волтеровою. — Горе тому Россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину, и сколь великую славу пріобрѣло наше отчество отъ разрушенія Казанскаго царства! Надобно перейти мыслями въ тѣ страшныя времяна, когда Россія поработчена была Татарскому игу — надобно вообразить набѣги и наглости Ордынцовъ, внутрь

нашего государства чинимые — представить себѣ Князей Россійскихъ раболѣпствующихъ и завися-
щихъ отъ гордаго или уничижительного самовластія Царей Казанскихъ — видѣть правителей Татар-
скихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ въ самую
Москву присылающихъ, для поклоненія имъ Князей обладающихъ — надобно прочесть внимательно
всю исторію страданія нашего отечества, во время его порабощенія Ордынцамъ — и вдругъ вообразить
Россію надъ врагами своими торжествующую, иго мучителей своихъ свергшую, отечество наше по-
бѣдоносными лаврами увѣнчанное — и младаго Государя, прежнимъ своимъ законодателямъ кроткіе
законы предписующаго. —

Читатель! ежели, переходя всѣ сіи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается,
духъ твой не возмутится и наконецъ въ сладостный восторгъ не придетъ — не читай мою Россіяду —
она не для тебя писана — писана она для людей умѣющихъ чувствовать, любить совю отчизну, и див-
иться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доста-
вившихъ.

Знаю, что моя Поэма далеко отстоитъ отъ Эпическихъ Поэмъ въ мірѣ извѣстныхъ; знаю, что въ
ней есть немалая погрѣшности, слабости, несовершенства; что многое въ ней подвержено благоразсуд-
ной критикѣ, но не плевеламъ головъ поврежденныхъ — но кто изъ Писателей избѣжалъ критики? и
кто написалъ совершенное твореніе въ мірѣ?

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою отъ варваровъ Россію свободженну,
Попранну власть Татаръ и гордость низложену;
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, поверженну Казань.

- 5 Изъ круга сихъ времянъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.

О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творене

- 10 Пролей твои лучи, искусство, озарене!

Отверзи, Вѣчность! мнѣ, селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суeta;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ,

- 15 Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, нещастный скорбъ забудеть;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.

Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моей

- 20 Вниманье привлеку народовъ и Царей.

Завѣса поднялась! Сіяютъ предъ очами
Герои, свѣтлыми увѣнчаны лучами.
Отъ нихъ кровавая Казанская луна
Низвергнута во мракъ и славы лишена.

- 25 О вы, ликующи теперь въ мѣстахъ небесныхъ!
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитеся тѣлесныхъ.

Еще восточную Россію древней часть
Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы,

- 30 Кипѣли мятежи, расли злодѣйства новы;
Простерся блѣдный страхъ по селамъ и градамъ;
Летало зло за зломъ, бѣды во слѣдъ бѣдамъ;

Куреній олтари во храмахъ не имѣли,
Умолкло пѣніе, лишь бури тамъ шумѣли;

- 35 Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами лежалъ,
И пастырь въ темный лѣсъ отъ стада убѣжалъ.

- Когда свѣтило дня къ полуночи взирало,
 Стеняще, страждущу Россію обрѣтало.
 Въ ея объятіяхъ рожденная Казань
 40 Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань.
 Сей градъ, Россійскими врагами соруженный,
 На полночь гордою горою возвышенный,
 Поднявъ главу свою, при двухъ рѣкахъ стоитъ,
 Отколѣ на брега шумящей Волги зритъ.
 45 Подъ тѣнью лѣсовъ, межъ пестрыми цвѣтами
 Поставленъ Батыемъ ко сѣверу вратами,
 Чрезъ кой въ сердце онъ Россіи выбѣгалъ,
 Селенья пустошиль и грады пожигалъ.
 Съ вершины видя горъ убийства и пожары,
 50 Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары,
 Разжены вѣрою къ закону своему;
 Казань, поверженна въ Махометанску тму,
 Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взирала,
 И руки чрезъ поля въ Россію простирала;
 55 Просила помощи и свѣта отъ Князей,
 Когда злочестіе простерло мраки въ ней.
 Подвигнуты къ странамъ природнымъ сожалѣньемъ,
 Народа своего бѣдами и томленьемъ,
 На части полночь всю разторгшіе Князья,
 60 Смирили наглыхъ Ордъ, во браняхъ кровь лія.
- Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались,
 Главы у гидры злой всечасно вновь раждались,
 И жалы отростивъ въ глухихъ мѣстахъ свои,
 Вползали паки въ грудь Россіи тѣ зміи.
- 65 Драконова глава лежала сокрушенна,
 Но древня злоба въ немъ была не потушенна;
 Подъ пепломъ крылся огнь и часто возгаралъ,
 Во смутны Россовъ дни онъ силы собираль;
 Неукротимыхъ Ордъ воскресла власть попранна,
 70 Во время юности втораго Иоанна.
 Сей дѣда храбраго вѣнчанный славой внукъ
 Едва не выпустиль Казань изъ слабыхъ рукъ;
 Смутился духъ его нещастливымъ походомъ,
 Гдѣ онъ начальствовалъ въ войнѣ прошедшемъ годомъ;
- 75 Гдѣ самъ Борей воздвигъ противу Россовъ брань,
 Крилами мерзлыми отъ нихъ закрывъ Казань;
 Онъ мрачной тучею и бурями увился,
 Подобенъ грозному страшилищу явился,
 Въ глухой степи ревѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ,
- 80 Крутился между горъ, онъ рвалъ, шумѣлъ, валилъ,
 И Волжскія струи на тучны двинувъ бреги,
 Подулъ изъ хладныхъ устъ морозы, вихри и снѣги;
 Ихъ пламенная кровь не стала Россовъ грѣть,

Дабы въ наставшій годъ жарчае воскипѣть.

- 85 Въ то время юный Царь въ столицу уклонился,
Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился.
О ты, на небесахъ живущій въ тишинѣ!
Прости великій Царь мою отважность мнѣ,
Что утро дней твоихъ во тмѣ дерзну представить,
90 Пресвѣтлый полдень твой громчае буду славить;
Великъ, что бурю ты вокругъ царства укротилъ,
Но больше, что страстямъ душевнымъ воспретилъ.

- Увидѣвъ, что Москва оставилъ мечь уснула,
Трепещуща луна изъ облакъ проглянула;
95 Храняща ненависть недремлющи глаза,
Отъ Волги поднялась какъ страшная гроза;
Орда, нарушивъ миръ, оковы разрывала,
И злобой движима, мтилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
100 Россію утѣснить, какъ въ прежни времяна.
Сей страшный исполинъ въ Россійски грады входить,
Убийства, грабежи, насильства производитъ;
Рукою мечь несетъ, другой звучащу цѣпь,
Валятся стѣны вокругъ, томится лѣсь и степь.
105 Уже велѣніемъ коварныя Сумбеки,
Въ Казанѣ полились Россійской крови рѣки;
И пламенникъ нося неукротимо зло,
Посады въ яности Московскіе пожгло;
Въ жилища Христіянъ съ кинжаломъ казнь вступила,
110 И кровь страдальческа на небо возопила;
Тамъ плачь, уныніе, сиротствующихъ стонъ;
Но ихъ отечество сей вопль вмѣняло въ сонъ.

- Алчба, прикована корыстей къ колесницѣ,
Въ Россійской сѣяла страданіе столицѣ.
115 О благѣ собственному вельможи гдѣ рачатъ,
Тамъ чувства жалости надолго замолчатъ.
Москва, разимая погибелю внѣшной,
Отъ скорбей внутреннихъ явились безутѣшной.
Сокрылась истинна на время отъ Царя;
120 Лукавство, честь поправъ, на собственность воззря,
Въ лицѣ усердія въ чертогахъ появилось,
Вошло, и день отъ дня сильнѣ становилось.

- Тамъ лесть представилась въ притворной красотѣ,
Котора во своей природной наготѣ
125 Мрачна какъ нощь, робка, покорна, тороплива,
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
Дабы служити имъ ко преткновеню ихъ.

Сія природну желчъ пре обративъ во сладость,

- 130* Въ забавы вовлекла неосторожну младость;
 Вельможи, выгодѣ ревнующи своей,
 Соединилися къ стыду державы съ ней;
 И лесть надежныя подпоры получила,
 Отъ Царскаго лица невинность отлучила.

- 135* Гонима истинна стрѣлами клеветы,
 Что дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!

Во смутны времяна еще вельможи были,
 Которы искренно отечество любили;
 Соблазны щастія они пренебрегли,

- 140* При явной гибели не плакать не могли;
 Священнымъ движнуты и долгомъ и закономъ,
 Стенать и сѣтовать дерзали передъ трономъ;
 Пороковъ торжество, попранну правду зря,
 Отъ лести ограждать осмѣлились Царя.

- 145* Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружаютъ,
 Ихъ слезы общую напасть изображаютъ;
 Потупленны главы, ихъ взоры, ихъ сердца,
 Казалось, туманъ простерли вокругъ вѣнца;
 На смутныхъ ихъ чelaхъ сіяеть добродѣтель,

- 150* Въ которыхъ свой позоръ прочесть бы могъ владѣтель.
 Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщають, воздремаль!
 Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.

Унылъ престольный градъ, Москва главу склонила,
 Печаль ея лице, какъ нощь пріосѣнила;

- 155* Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста,
 Тоскують вокругъ нея прекрасныя мѣста;
 Унынье, разтрепавъ власы, по граду ходить;
 Потупивъ очи внизъ, въ отчаянье приводитъ,
 Біетъ себя во грудь, рѣками слезы льетъ;

- 160* На стогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;
 Въ дубравахъ стонъ и плачь, печаль въ долинахъ злачныхъ;
 Во градѣ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ;
 Все въ ризу облеклось тоски и сиротства,
 Единый слышенъ вопль во храмахъ Божества.

- 165* Грызомая внутри болѣзнью всеминутной,
 Казалася Москва водѣ подобна мутной,
 Которая, лишась движенья и прохладѣ,
 Тускнѣеть, портится и зараждаетъ ядъ.
 Народъ отчаянный, гонимый, утомленный,

- 170* Какъ будто въ Этнѣ огнь внезапно возпаленный,
 Лѣсистые холмы, густыя древеса,
 Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса,
 Народъ возволновалъ! Тогда при буйствѣ яромъ,
 Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ;